

ВООРУЖЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ МЕЖДУ СИБИРСКИМИ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ И КУЧУМОВИЧАМИ В 1661 г. И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

На основе архивных документов из фонда Сибирского приказа РГАДА рассмотрены малоизвестные события, связанные с отношениями между русскими властями и Кучумовичами накануне крупных восстаний в Башкирии и части Западной Сибири. Показано, что в 1661 г. у русских появилась реальная возможность нанести удар по силам сибирских царевичей. Это стало возможным благодаря усобицам между покровительствовавшими им ойратскими тайшами, а также из-за столкновений самих Кучумовичей между собой при дележе улусных людей. Летом 1661 г. уфимские служилые люди вместе с башкирами, напав на кочевье младших Кучумовичей, пленили царевича Кансуера. В конце июля 1661 г. значительная победа была одержана над главой клана царевичем Девлет-Гиреем. Отряд Б. Маркова в районе левого притока Иртыша р. Железенки, пользуясь внезапностью, разгромил улус царевича. При этом было отбито свыше 300 ясачных людей и захвачена богатая добыча. Девлет-Гирей вынужден был бежать и, по всей видимости, вскоре погиб. Однако эти успехи имели временный, локальный успех, так как не привели к полной победе над Кучумовичами.

Ключевые слова: Кучумовичи; служилые люди; кочевники; башкиры; сибирские татары.

В последнее время в историографии наблюдается повышенное внимание исследователей к проблемам истории позднесредневековых тюрко-татарских государств в целом и к судьбе потомков Кучум-хана в частности. Об этом свидетельствует проведение с 2008 г. в Казани ежегодной Международной научной конференции «Средневековые тюрко-татарские государства» с изданием одноименного сборника статей, а также проведение в г. Кургане в 2011 и 2014 гг. Всероссийской конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» также с изданием материалов. Немало докладов и сообщений на этих конференциях посвящены потомкам Кучума. В конце 2012 г. вышла в свет работа В.В. Трепавлова «Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш» – первое и пока единственное монографическое исследование о Кучумовичах [1]. Между тем, несмотря на в целом плодотворное изучение проблем, связанных с последними сибирскими Шибанидами, еще далеко не всё освещено в должной мере. Многие вопросы требуют уточнения, по некоторым же мнения исследователей порой расходятся.

В данной статье на основе привлечения архивных документов из фонда Сибирского приказа РГАДА рассматриваются отношения между российскими властями в Сибири и Кучумовичами в 1661 г. Эти события не получили должного освещения в работах исследователей. Кроме того, описываемые здесь события произошли за год до начала крупномасштабных антирусских выступлений башкир, части сибирских татар и других народов, в которых потомки Кучума также приняли активное участие.

Как известно, сибирские царевичи, кочевавшие к югу от русских владений в Западной Сибири, в течение почти всего XVII в. не оставляли надежд на восстановление прежней государственности. Царевичи не располагали достаточными собственными силами, но, опираясь на помощь союзных им ойратских (калмыцких) тайшей, время от времени организовывали набеги на ясачные волости и русские поселения. Во время таких набегов они грабили, разоряли, вытапывали посевы, захватывали добычу, угоняли пленных. Большую опасность Кучумовичи представляли в пе-

риоды волнений коренного населения Сибири, вызванных обычно увеличением ясачного обложения и злоупотреблениями местной русской администрации. В такие периоды кочевые улусы Кучумовичей заметно пополнялись «государевыми изменниками» обычно из числа башкир и сибирских татар, сменивших российское подданство на сюзеренитет степных владельцев.

В распоряжении русских властей были следующие способы нейтрализации угрозы со стороны Кучумовичей. Во-первых, русские никогда не оставляли попыток договориться с царевичами и перетянуть их на свою сторону. Тем более, как убедительно показано в исследованиях А.В. Белякова [2] и Б.Р. Рахимзянова [3], российское правительство к началу XVII в. имело богатый опыт по приглашению на царскую службу различных представителей рода Чингисхана и включения их в состав российской элиты. Такой способ нейтрализации недавних противников был действенным, а главное – малозатратным. Как известно, русские власти путем переговоров пытались перетянуть на свою сторону самого хана Кучума. Последний, однако, больше дорожил свободой и независимостью. После гибели Кучума переговоры о переходе под «высокую государеву руку» велись уже с его наследниками. Бывало, что они прерывались по причине усиления конфронтации, но иногда принимали форму регулярного обмена посольствами, как это было, например, в 1644–1650 гг. в отношениях с царевичем Девлет-Гиреем. Однако царевичи, видимо, не доверяя русским и опасаясь вероломства, всегда вели себя крайне осторожно. Кроме того, к переговорам они чаще всего прибегали, чтобы потянуть время и переждать неблагоприятный для себя период. Поэтому за весь XVII в. известен только один случай, когда представитель рода Кучума добровольно сдался русским властям. Речь идет о прибытии в Тобольск в 1607–1608 гг. царевича Алтыная [2. С. 231].

Второй способ решения проблемы присутствия Кучумовичей на южных рубежах российского влияния в Сибири заключался в попытках договориться с калмыцкими тайшами о выдаче кого-либо из царевичей в один из сибирских городов. Во время переговоров с ойрат-калмыками, выступавшими в качестве

покровителей Кучумовичей, такой вопрос ставился неоднократно. Более того, ойраты, желая добиться для себя на переговорах с русскими лучших условий, сами неоднократно проявляли инициативу, обещая выдать «с головой» того или иного представителя клана Кучумовичей (см., например: [4. С. 334, 376, 378, 394–395, 396, 398]). Тем не менее, несмотря на все обещания со стороны ойратов, за весь XVII в. нам неизвестен ни один случай добровольной выдачи ими кого-либо из Кучумовичей русским властям.

Наконец, третий способ борьбы с непокорными царевичами был самым затратным и заключался в ведении против них открытых военных действий. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что, несмотря на недостаток военных сил у самих Кучумовичей, окончательно победить их в Сибири русские так и не смогли.

На наш взгляд, это объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, в самом начале XVII в. Кучумовичи нашли поддержку со стороны ойрат-калмыков, с силой которых русские в Сибири не могли не считаться. Во-вторых, кочевой образ жизни Кучумовичей на бескрайних просторах степного Зауралья и Западной Сибири был лучшей защитой, поскольку позволял царевичам вовремя отходить подальше в степь и уклоняться от посланных против них отрядов служилых людей. Стоит также добавить, что особенности организации обороны границ не позволяли служилым людям оперативно реагировать на набеги кочевников. В Москве очень боялись активными действиями провоцировать калмыков. Отсюда и категорическое требование «войны и задоров не всчинать», неукоснительно соблюдавшееся почти все столетие. Воеводы приграничных уездных центров, приказчики слобод зачастую были скованы инструкциями в проявлении инициативы и не имели права без санкции тобольского воеводы оперативно отправлять в степь служилых людей в погоню за кочевниками [5. С. 221–222]. Результатом всегда была потеря времени, что позволяло отрядам Кучумовичей и калмыков уйти на достаточное расстояние и скрыться в степи. В-третьих, клан Кучумовичей был достаточно разветвленным и многочисленным. К тому же особенности кочевого быта обычно заставляли царевичей кочевать раздельно. Поэтому, несмотря на отдельные успешные акции, русским никогда не удавалось пленить всех Кучумовичей. В 1607–1608 гг. в результате ряда столкновений в плену оказались хан Али, царевичи Азим, Алтанай, а также многие их жены и дети. Однако пленения благополучно избежал царевич Ишим, продолживший борьбу с русскими при помощи ойратов, с которыми он породнился. После него злейшим врагом русских в Сибири стал его сын Аблай. В 1635 г. он вместе с братом Тевкой попал в плен во время нападения на Уфимский уезд. Но новым главой рода стал его двоюродный брат Девлет-Гирей. Он продолжил борьбу, а также взял опеку над многочисленными детьми Аблая, многие из которых в дальнейшем доставили русской администрации в Сибири немало хлопот. Таким образом, бороться с Кучумовичами было очень не просто.

Ко времени описываемых событий отношения между русскими властями и царевичами снова резко

обострились. Частый обмен посольствами и переговоры с Девлет-Гиреем о русском подданстве в 1640-х гг. ни к чему не привели. И с сентября 1651 г. нападениями на Далматовский Успенский монастырь и на Аялыньскую волость Тарского уезда Кучумовичи начали очередную вооруженную конфронтацию [1. С. 104; 6. С. 30–31, 350–351]. В ноябре того же года Девлет-Гирей со своими сыном и зятем и «тарскими изменниками» совершили набег на Аялыньскую волость Тарского уезда [6. С. 31, 362–363, 365]. В 1652 г. их нападения ждали, но его не случилось. В 1653 г. из Тюмени против Девлет-Гирея был организован поход, но отряд из 350 служилых людей сбился с пути. В августе 1655 г. младший двоюродный брат Девлет-Гирея царевич Бугай с братьями напал на волости Тобольского уезда [Там же. С. 32–34, 385].

Наконец, в ноябре 1659 г. младшие Кучумовичи, царевичи Бугай, Кучук, Кансуер и Чучелей, при поддержке калмыков, торгоутов и дербетов совершили один из самых разорительных набегов на Тарский уезд. Нападению подверглись Барабинская, Чойская, Кулебинская, Любинская и Тунусская волости. В общей сложности в ходе набега погиб 61 человек и 733 были угнаны в плен [6. С. 36–38, 408–410 и др.]. Правда, по данным тарского воеводы М.Н. Шаховского, в его отписке в Москву от декабря 1660 г. говорится о 712 ясачных людях, угнанных царевичами в плен [7. Стб. 597. Л. 51]. Настигнуть царевичей по горячим следам не получилось. Только 31 мая 1660 г. против них был организован поход сводного отряда служилых людей из Тобольска, Тюмени и Тары, однако в источниках нет информации о результатах этого похода. Г.Ф. Миллер считал, что он был успешным, так как, по его мнению, «после него наступило более спокойное и безопасное положение в Сибири» [6. С. 38]. В этом великий историограф, скорее всего, все-таки ошибался, поскольку ни один из Кучумовичей не оказался в плену. Удар служилых людей, по всей видимости, пришелся в пустоту. В частности, тарскому воеводе М.Н. Шаховскому 18 июня 1660 г., т.е. спустя небольшое время после отправки служилых людей, от татарских выходцев стало известно, что к царевичам и торгоутскому тайше Лоузану приезжали посланники от хошеутовского тайши Аблая. Они по его приказу «забрали царевичев Девлеткирея, и Бугая, и Кучука, Челея и Кансуера з женами и з детьми и со всем кочевьем да и полон тот государевых волостей, которой был у царевичев в улусе, весь к Абулаю забрали» [Там же. С. 432]. Тайше Лоузану же было настоятельно рекомендовано откочевать подальше от русских границ. Таким образом, Аблай, по сути, спас царевичей от мести со стороны русских. Это позволило М.Н. Шаховскому обвинить его в «войне и разоренье» ясачных волостей, поскольку Аблай знал, что «от государевых ратных людей над царевичи и над Урлюковыми людьми поиск будет». Поэтому он царевичей взял себе «на збереженье», а торгоутам посоветовал отойти подальше. Вывод тарского воеводы категоричен: грабеж ясачных волостей – это «запод Абулая тайши, он, Абулай, царевичи и калмыкам на войну поводку дает» [Там же. С. 432–433].

Тем не менее действия русских служилых людей обеспокоили Кучумовичей и их ойратских покрови-

телей, заставив на какое-то время воздержаться от враждебных акций и вести себя мирно. По крайней мере, вернувшееся от тайши Аблая в Тобольск в декабре 1660 г. русское посольство Панфила Семенова на обратном пути побывало в улусе Девлет-Гирея на урочище Дуланкарагае. Русских послов царевич встретил «честно», про царское здоровье спрашивал, как и положено, «стоя, сняв шапку» и божился, что сам он к разорению пяти тарских волостей в прошлом году никакого отношения не имеет, «а были де на войне Тарского уезду в ясачных волостях братья ево девлеткиреевы Бугай, да Кучюк, да Кансюер, да Чюнчюлей царевичи с вором с Улузаном тайшею вместе» [7. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 7]. С русскими послами Девлет-Гирей вел себя очень корректно, «потчивал их доволно» и отпустил «з болшею честию».

Однако проблема присутствия Кучумовичей у русских границ решена не была. Было ясно, что рано или поздно царевичи вместе с союзными им тайшами возобновят враждебные действия, воспользовавшись благоприятными для себя обстоятельствами. Кроме того, несмотря на неоднократные категорические требования русских властей о необходимости возвращения угнанных ясачных людей, царевичи и калмыки из более чем 700 пленных в общей сложности к декабрю 1660 г. вернули только 196 человек [Там же. Стб. 597. Л. 51]. Причем возвращали только «старых да малых» и «увечных», которые «в государев ясак не годятца».

Летом 1661 г. обстоятельства сложились таким образом, что у русских появилась реальная возможность снова нанести удар по силам Кучумовичей и тем самым попытаться решить проблему их присутствия на южной границе. Началось все с того, что в конце 1660 г. между ойратами разгорелась очередная большая усобица [8. С. 102; 9. С. 350–351]. В начале июня тарскому воеводе доносили вернувшиеся из калмыцкого плена татары, что на Аблая и союзных с ним торгоутских и дербетских тайшей напали хошеутовский тайша Очирту, приходившийся сводным братом Аблаю, и дети джунгарского контайши Сенге и Чечен. При этом Аблай потерпел поражение и с немногими людьми ушел в свой городок «на Отчике урочище» и сел там в осаде. Давний недруг России тайша Лоузан в ходе боев был убит джунгарским тайшей Чеченом. Улусные люди разгромленной ойратской группировки частично были захвачены победителями, а частично «розбрелись врозь», прикочевав ближе к барабинским волостям. Младшие Кучумовичи, до этого кочевавшие с Аблаем, снова оказались предоставлены сами себе [7. Стб. 609. Л. 55–56]. В условиях начавшейся в степи очередной большой войны рядовые улусные люди зачастую стремились уйти от царевичей и укрыться на подконтрольной русским властям территории. Собственно, эти «выходцы», среди которых было много недавно захваченных царевичами и уже давно живших в их улусах, и доводили до русской администрации сведения о происходящем в степи.

Отложившаяся в официальном русском делопроизводстве информация зачастую отрывочна и противоречива, но на ее основании можно восстановить картину событий, происходивших в степном Зауралье

летом 1661 г. А события были весьма насыщенными, так как за относительно небольшое время у Кучумовичей случилось как минимум два столкновения между собой, столкновение с дербетами и несколько боев с русскими служилыми людьми и башкирами. При этом эти события либо вообще никак не освещены в научной литературе, либо известны исследователям, но специально не рассматривались. Например, факт разгрома улуса Девлет-Гирея отрядом Б. Маркова лишь констатируется исследователями, но детали этого события до сих пор были неизвестны [1. С. 104; 10. С. 63; 11. С. 105].

Информация о происходящем в степи летом 1661 г. содержится в переписке между тарским воеводой князем Михаилом Никитичем Шаховским и первым тобольским воеводой боярином Иваном Андреевичем Хилковым. Также в Тобольск поступали оперативные сведения от тобольского сына боярского Степана Тутолмина, отправленного с отрядом тобольских служилых людей и татар в Исетский острог, а также от тюменского сына боярского Сергея Ушакова, возглавившего тюменских служилых в Исетском Далматовском монастыре. В свою очередь, тарский воевода Шаховской получал известия от тарских служилых людей, а также от отбитых от царевичей ясачных людей и бывших «изменников».

Так, 13 сентября 1661 г. в Исетский острог вышли из степи «торговые бухарцы Махмутатыска Сенгелев да Казарко Тозмаматов» и доложили следующее. Эти торговцы весной этого же года были отпущены из Тобольска к хошеутовскому тайше Аблаю вместе с его же послами. В степи они встретили младших Кучумовичей во главе с Бугаем, которые дальше их не пустили и со всем имуществом оставили у себя. С весны и до начала осени бухарцы вынуждены были перемещаться с царевичами и были свидетелями многих событий. Так, они доложили, что между Девлет-Гиреем и его младшими братьями произошел конфликт, вылившийся в вооруженное столкновение. Причиной размолвки стало то, что часть людей ушла от Девлет-Гирея к Бугаю, т.е. царевичи банально не смогли поделить улусных людей [7. Стб. 609. Л. 60]. Эту информацию подтвердили доставленные в начале августа в Тарский город бывшие «государевы изменники», жившие долгое время у Девлет-Гирея. В отличие от сведений бухарцев, они доложили, что между царевичами было даже два столкновения, при этом «на первом бою Бугая ранили, и после первого бою возили ево, Бугая, в креслах, а на другом бою Бугай не был, и в креслах ево не видели, неведомо он умер, неведомо болен лежит» [Там же. Стб. 597. Л. 75]. Однако бухарцы, оставшиеся в улусе Бугая и его младших братьев, факт его ранения не подтверждали.

Как бы то ни было, но после ссоры из-за улусных людей пути Кучумовичей разошлись. Девлет-Гирей со своим улусом «остался на прежнем своем кочевье над Иртышом», а его четыре двоюродных брата «с племянники и з женами и с улусными своими людьми от Девлеткирея царевича покочевали в степь». Когда Бугай с братьями были «в степи на урочище на Камышлове», на них неожиданно «наехали» калмыки-дербеты некоего тайши Далая (не следует путать с

верховным тайшей дербетов Далаем-Батыром, умершим еще в 1637 г.). Однако Кучумовичи благополучно «дюрбетцев всех побили», после чего двинулись в сторону р. Тобола, переправившись через р. Ишим. Далее, со слов бухарцев, «изменники уфинские татарове», издавна кочевавшие с Бугаем, уговорили его двинуться вверх по Тоболу. В том месте, где река Уй впадает в Тобол, от Бугая с братьями решили отъехать «изменники Сарымерген с товарищи полтораста человек». Правда, какова была цель отъезда, был ли он вызван каким-то конфликтом между царевичами и Сарымергеном или, наоборот, был как-то согласован между ними – все это остается неясным. Однако дальше для Кучумовичей начались серьезные испытания. Через четыре дня после отъезда Сарымергена со стороны уфимских ясачных волостей на царевичей неожиданно пришли «башкирские ясачные татаровя» [7. Стб. 609. Л. 61]. Нападение, видимо, было столь внезапным, что Бугаю с братьями не удалось дать отпор. В результате в плен были взяты царевичи Бугай, Кчук и Кансуер с женами, детьми и племянниками и «со всем их улусом», а также жена царевича Чучелея с двумя детьми. Пленных башкиры повели на Уфу, а несчастных бухарцев, предварительно ограбив, отпустили в Тобольск.

Несколько иную версию этих событий изложили бывшие тюменские татары, отбившиеся от Кучумовичей и прибывшие 9 сентября в Катайский острог. Этим тюменский татар было 8 семей (38 человек), их еще в 1629 г. пленил царевич Аблай, и 27 лет они жили у Кучумовичей. После боя «из-за людей» между царевичами они оказались вместе с Бугаем и его братьями. Во время переправы через Тобол выше Царева городища они сумели от царевичей отбиться. При этом «Бугайко с товарищи пошли вверх по Тоболу, а с ними де воинских людей 60», а эти татары «весть послали в Уфинской уезд в ясачные башкирцы, и уфинские де башкирцы за теми Кучюмовыми внучаты за Бугайкой с товарищи пошли в погоню» [12. С. 635–636].

Однако пленить сразу трех представителей Кучумова рода тогда все-таки не удалось. Тюменский казак Федька Вязмин, возглавлявший проезжую станицу в степь, позже докладывал в Исетский монастырь, что у р. Синары они встретили башкира Уметко, который участвовал в захвате царевичей. Этот Уметко сказал, что через три дня после погрома царевичи Бугай и Кчук с женами и детьми смогли вырваться (или как-то договорились с башкирами и были отпущены?) и уйти в степь. Царевич же Кансуер с женой был доставлен в Уфу [7. Стб. 609. Л. 61–62].

Есть все основания полагать, что поход из Уфы на царевичей состоялся по инициативе не самих башкир, а уфимского воеводы стольника Федора Ивановича Сомова. Согласно данным боярской книги 1658 г., Ф.И. Сомов неплохо проявил себя в период начавшегося в 1662 г. башкирского восстания, за что ему была назначена придача к прежнему денежному окладу в размере 100 рублей. Среди прочих его заслуг отмечено и то, что «по ево посылке взяты сибирской кан Сююр царевич з женою и з сыном и с племянницею да сибирского ж царевича Чичилея жена» [13. С. 45].

Однако до сих пор была неизвестна точная дата пленения Кансуера, так как в боярской книге указан временной промежуток всей уфимской службы Ф.И. Сомова – с 169 по 172 г. (1660–1664). А.В. Беляков, ссылаясь на неполные данные Г.Ф. Миллера, предположил, что пленение произошло не ранее 1661 г. [2. С. 72]. Теперь же можно точно утверждать, что Кансуер был пленен летом 1661 г. К сожалению, дальнейшая судьба этого представителя рода Кучума неизвестна.

Тем временем номинальный глава клана Кучумовичей царевич Девлет-Гирей после размолвки с двоюродными братьями оставался на берегу Иртыша у урочища Красный Яр. Как свидетельствовали бежавшие от Кучумовичей в Катайский острог в сентябре бывшие тюменские татары (всего 8 семей, 38 человек), после отхода Бугая с братьями у Девлет-Гирея оставалось 200 воинских людей [12. С. 635]. Спустя какое-то время после ссоры с братьями улус Девлет-Гирея подвергся неожиданному для него нападению русских служилых людей, что имело для царевича самые роковые последствия. Для русских же это была одна из самых ярких побед в многолетнем противостоянии с Кучумовичами в Сибири.

Примечательно, что поход головы тобольских казаков Бориса Маркова не планировался как специальная военная акция против Кучумовичей, так как это была ежегодная экспедиция к соляному озеру Ямыш. Улус царевича Девлет-Гирея при этом был разгромлен мимоходом, что выделяет это столкновение в ряду других военных действий между сибирскими служилыми людьми и царевичами. Можно сказать, что во многом все произошло спонтанно.

Формирование очередного каравана дощаников за солью к озеру Ямыш, по всей видимости, началось в Тобольске в июне 1661 г. Такие походы совершались регулярно каждый год и в этом отношении не представляли собой чего-то необычного. Как правило, набирались служилые люди из основных городов Тобольского разряда, в первую очередь из самого Тобольска, Тюмени и Тары. Численность идущего на дощаниках вверх по Иртышу к оз. Ямыш отряда обычно насчитывала несколько сотен человек, так как приходилось углубляться достаточно далеко в степные районы Среднего Прииртышья, где в то время главными хозяевами были ойраты. Например, экспедиция к озеру в 1626 г. насчитывала 604 человека, идущих на 16 дощаниках и 7 ладьях [14. С. 33]. В 1628 г. в караване к озеру шло примерно 430–440 человек, набранных почти со всех западносибирских городов и острогов [15. С. 51–55]. В последующие годы численность отряда нередко только увеличивалась, поскольку между русскими и калмыками не всегда было мирно, иногда случались вооруженные столкновения. Не каждая экспедиция к озеру заканчивалась успехом, из-за противодействия калмыков порой приходилось возвращаться ни с чем, не взяв соли. В имеющихся источниках нет указаний о численности отряда в 1661 г. Известно только, что отряд тарских служилых людей, участвовавших в походе в этом году, насчитывал 150 человек (116 стрельцов и пеших казаков и 34 служилых юртовских татарина) на шести дощаниках под началом тарского атамана Матвея

Шарапова [7. Стб. 597. Л. 64]. В любом случае идущий на дощаниках русский отряд имел существенный численный перевес над силами Девлет-Гирея, хотя не это явилось главным фактором, определившим последующий успех.

Помимо служилых людей из Тары к каравану присоединились с разрешения воеводы М.Н. Шаховского местные «охочие» татары, желавшие выгодно продать свои товары, или что-то купить, или выменять у приезжающих к озеру калмыков и бухарцев. По всей видимости, подобное не было редкостью, так как у оз. Ямыш часто возникала стихийная ярмарка и велась оживленная взаимовыгодная торговля [14. С. 33–34; 16. С. 80]. Среди таких охочих людей с караваном к озеру отправились тарские служилые татары, у которых было особое задание от воеводы М.Н. Шаховского. Это были служилые татары Мамей Неурусов, Бугай Изеляров и захребетный татарин Куташ Айгучаков, а также юртовский татарин Кизилбай Кутлумергенов. Последний желал встретиться со своим отцом Кутлумергеном Илгилдеевым, который еще во время волнений ясачных людей в Тарском уезде в 1629 г. изменил и отъехал к царевичу Аблаю, а теперь жил в улусе Девлет-Гирея. Воевода Шаховской надеялся через встречу сына с отцом повлиять на всех «изменников» с целью их возвращения в русское подданство. Расчет М.Н. Шаховского, как он позже писал в своей отписке в Москву, основывался на том, «чтоб изменник Кутлумергенко, увидев сына своего Кизылбайка и увидя к нему вашу государеву милость, что он пожалован вашим великим государевым жалованьем, вину бы свою принес и от измены своей отстал, да и товарищей бы своих наговорил» [7. Стб. 597. Л. 65, 68]. Трех тарским татарам во главе с М. Неурусовым, согласно воеводскому наказу, надлежало по пути к оз. Ямыш «подсматривать и проведывать всякими обычаями про царевичевы улусы», потом явиться к нему «будто для торгу», тайно увидеться с изменниками и подзывать их отстать от измены, чтобы вернуться под «высокую государеву руку». С помощью такой «подстрекательской» деятельности тарский воевода надеялся вернуть хотя бы часть татар, перебежавших к Кучумовичам или угнанных ими в предыдущие годы. Однако результат превзошел все самые смелые ожидания.

Мамей Неурусов с товарищами позже в своих расспросных речах так излагали все произошедшее. В соответствии с воеводским предписанием они в поисках царевичей «розъезжали в малых лотках», удаляясь от каравана «в полуднище, и во днище, и в дву днищах». Примерно на полпути до озера в том месте, где небольшая речка Железенка впадает в Иртыш, они «подсмотрели улус, а в том улусе кочует царевич Девлеткирей». Сделав себе стан на ближайшем острове посреди Иртыша, они отправились в улус. На вопрос царевича о цели прибытия татары ответили, что они здесь для рыбной ловли и покупки лошадей: «И будет де у тебя, царевича, продажные лошади есть, и мы де у тебя лошади купим, и купя лошади, и поедем назад, к соле не пойдем». Царевич спросил, где находится караван, и Мамей с товарищами ответили, что «далеко, десетью де днями к улусу им поспеть нельзя»,

специально чтобы Девлет-Гирей до прихода русских дощаников «не поспешил с того места скочевать» [7. Стб. 597. Л. 68–69]. Однако осторожный царевич, не доверяя им, «привел их Мамейка с товарищи к шерти, говоря им: не с обманом ли вы ко мне присланы подъезжать?». И татары солгали во второй раз и «шертовали на том, что они к нему приехали не с обманом».

На второй день своего пребывания в улусе Мамей и его соратники тайно встретились с Кутлумергеном и рассказали ему о сыне, с которым тот, как и ожидалось, захотел увидиться. Также Кутлумерген и несколько его товарищей заявили о своей готовности покинуть царевича: «Мысль де у нас о том давно есть принести великим государем вина своя и приклониться, толко не смеем, боясь на себя великих государей гневу за свою вину, что мы своровали, изменили, к царевичам отъехали» [Там же. Л. 70]. Заявили они и о своей готовности призывать назад в русское подданство прочих бывших ясачных татар и башкир, живущих у Девлет-Гирея, а также о желании вместе с русскими людьми «промышлять» над царевичем, «как бы его изымать и к великим государем привести».

На третий день тарские служилые татары уехали из улуса и вернулись на свой стан на острове. Вскоре к ним тайно приехал Кутлумерген со своими товарищами Шемяком и Янеем. Они настаивали на необходимости как можно скорее отправить весть к караванному голове Б. Маркову, чтобы тот поторопился. Шемяк же говорил следующее: «Будет де мочно дощаниками поспешить ночью хотя бы в малых лотках и в стружках подослать с ружьем десятков три или четыре, а у нас де и у самих пищали есть, и мы де заодно с рускими людьми станем промышлять над царевичем» [Там же]. Бывшие «изменники» настаивали, что именно внезапным ночным нападением даже малыми силами получится застать царевича врасплох. Весть к Б. Маркову повез Куташ Айгучаков вместе с «изменником» Янеем. Б. Марков не сразу им поверил, видимо, не ожидая, что улусные люди Девлет-Гирея так хотят от него уйти. «Изменника» Янея он оставил при себе, а на остров к Мамею Неурусову для подтверждения отправил троих служилых людей, которым доверял. Кроме того, как позже Кутлумерген и другие бывшие «изменники» излагали события в своей челобитной, они просили Б. Маркова ничего не говорить о готовящемся нападении на Девлет-Гирея едущим с ним в караване тобольским татарам и бухарцам, поскольку якобы именно от них «пересылки к царевичам многие бывают, а царевичи им за пересылки подарки многие посылают» [Там же. Л. 60]. Не совсем ясно, насколько правдива эта информация, так как возможно, что таким образом тарские татары сводили какие-то счеты с тобольскими, обвиняя последних в соотрудничестве с Кучумовичами. По мнению Кутлумергена, Б. Марков их все-таки не послушал, зачем-то «думал в думе» с «пущим вором тобольским бухаретинном Кузеем Емелдяшевым и иными», тем самым он проявил «нерадение», допустил «поноровку и простой» и в итоге упустил царевича [Там же. Л. 59]. В результате дощаники не успели подойти ночью и пришли только утром, «как розсвело, на солнешном

всходе». Тем не менее появление русского каравана для Девлет-Гирея оказалось полной неожиданностью. Он услышал шум, увидел мачты идущих к берегу дощаников и понял, что у него нет времени ни на организацию обороны, ни на то, чтобы быстро сняться и со всем улусом уйти в степь. Оставалось только спастись бегством. Мамей с товарищами позже докладывали, что царевич, «увидев дощаники, тотчас побежал, покинув все, а с ним побежали калмыки небольшие люди», а также пара приближенных из числа татар и башкир [7. Стб. 597. Л. 72]. При этом многие его улусные люди «з женами и з детьми в ту пору стали метатца в дощаники, которые подошли». В описании дальнейшего все очевидцы очень лаконичны: «А как царевич побежал, и служилые люди напали на улус царевичев и улус погромили и розвоевали» [Там же. Л. 72, 75].

Все произошедшее тогда с Девлет-Гиреем невольно вызывает аналогию с событиями 20 августа 1598 г., когда на кочевье его деда хана Кучума обрушился отряд тарского письменного головы Андрея Воейкова. Различия только в том, что Кучум был разгромлен на Оби, а не на Иртыше, а также в том, что если отряд Б. Маркова пришел по воде, то А. Воейкова появился из степи. Результат же в обоих случаях был одинаков: внезапное появление русского отряда, неспособность организовать отпор, спешное паническое бегство правителя и как следствие – полный разгром. Дальнейшая судьба царевича Девлет-Гирея, по всей видимости, была столь же печальной, как и его царственного предка. Вероятнее всего, Девлет-Гирей, брошенный своими людьми, лишившийся всего имущества, в скором времени просто бесславно сгинул в зауральских степях. По крайней мере, он никак не участвовал в последующих событиях, связанных с волнениями башкир и части татар в 1660-х гг.

Другим непосредственным результатом победы над Девлет-Гиреем стало возвращение от царевича в русское подданство нескольких сотен бывших ясачных людей. Позже тобольский воевода И.А. Хилков с удовлетворением писал в Москву, что Б. Марков своим нападением на улус Девлет-Гирея «выручил» всех бывших «изменников» и когда-то захваченных царевичами ясачных людей в Тобольском, Тюменском, Тарском и Уфимском уездах. Все «вырученные» сразу были доставлены в Тару тарским стрелецким пятидесятником Левкой Ивановым. Воеводой М.Н. Шаховским все они были пересчитаны и расспрошены, о чем он тут же отписал в Москву. По подсчетам тарского воеводы, Л. Иванов привел 23 семьи тарских юртовских татар (всего 233 человека), 9 семей татар Аялынской волости (59 человек) и 52 человека бывших тобольских, тюменских и уфимских татар [7. Стб. 597. Л. 66]. Таким образом, М.Н. Шаховский насчитал 344 человека, не упомянув по непонятным причинам полсотни калмыков из улуса царевича, также доставленных на Тару. Однако тобольский воевода И.А. Хилков позже в своей отписке в Москву, составленной не позднее 29 ноября, приводил другие цифры. Он называл «вырученных» Б. Марковым 264 человека татар, 61 калмыка, т.е. всего 325 человек [Там же. Л. 139]. Среди пленных калмыков был Мал-

жи Мовов, оказавшийся шурином царевича Девлет-Гирея. Позже он рассказывал о себе, что «родом де он Малжи калмык Ишкепа тайши человек, и от Ишкепа де тайши отъехал он, Малжи, к Девлеткирею царевичю для того, что за царевичем Девлеткиреем сестра ево Малжина двоюродная, Кунделена тайши дочь, а Девлеткирею царевичю болшая жена» [7. Стб. 597. Л. 110]. Все калмыки заявили о своей готовности принять российское подданство.

Впоследствии, правда, М.Н. Шаховским были недовольны, поскольку большую часть «изменников» он задержал на Таре, хотя И.А. Хилков несколько раз требовал их скорейшей отправки в Тобольск. Также доносили, что М.Н. Шаховской и его люди стали чинить всякие «насильства» над «выходцами», из-за чего два калмыка с Тары убежали назад в степь [Там же. Л. 112].

Разумеется, что помимо освобождения ясачных людей отряд Б. Маркова захватил еще и немалую добычу. Прежде всего, речь шла о главном богатстве кочевников всех времен – лошадях и прочих копытных. Однако вопрос о количестве захваченного скота еще более запуган. Б. Марков утверждал, что он захватил и отправил на Тару 2 600 лошадей и всякого скота [Там же. Л. 61]. При этом якобы всем «громленным» скотом стал единолично распоряжаться тарский воевода М.Н. Шаховской. Однако на защиту Шаховского встали бывшие «изменники» Кутлумерген с товарищами. Они в своей челобитной на имя царя указывали, что утверждение Б. Маркова является «изветом» на тарского воеводу и все это «Борисова ложная затейка», так как «царевичевых лошадей на погроме две тысяч взяте было негде, потому что царевичевы лошади были на отгоне». Татары настаивали, что было захвачено только 100 лошадей самого Девлет-Гирея, а «иные лошади возле улуса были наши» [Там же. Л. 61–62]. Позже в переписке между Тарой, Тобольском и Москвой фигурировали уже другие цифры захваченных лошадей. Теперь речь шла о 985 лошадях. При этом утверждалось, что тарский воевода взял себе 100 «добрых погромных лошадей», а в Тобольск послал не тех. Потом он якобы забрал 885 татарских лошадей, которых продавал тарским служилым людям и самим татарам [Там же. Л. 106–107, 140]. В Москве поведением Шаховского были недовольны, по этому делу над ним было поручено провести сыск, во время которого ему надлежало находиться в Тобольске. К сожалению, по причине плохой сохранности документа нам неизвестно, чем закончилось это расследование.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о месте и времени произошедших событий. Что касается места, где произошел разгром улуса Девлет-Гирея, то главным ориентиром является собственно река Железенка. В современном «Государственном водном реестре России» реки с таким названием, относящейся к Иртышскому водному бассейну, не значится, очевидно, в связи с тем, что она протекает по территории современного Казахстана. Однако и на картах Казахстана, а также с привлечением известного интернет-ресурса «Google Maps» обнаружить приток Иртыша с таким названием не удалось. Г.Ф. Миллер, который в

составе Академического отряда в 1734 г. совершил плавание по Иртышу от Тобольска до Усть-Каменогорской крепости, оставил кое-какие сведения о р. Железенке, позже использованные им в сочинении «О песошном золоте в Бухарии» [17. С. 303]. Знаменитый историк писал: «С западной стороны впадает в Иртыш малая река, которая от русских караванов издревле, неведомо по какой причине, названа Железенкою» [6. С. 492]. В 1717 г. почти в 30 верстах от места слияния Железенки с Иртышем русскими была основана деревянная крепость Железенская, ставшая промежуточным перевалочным пунктом между Омской и Ямышевской крепостями. Впоследствии Железенская крепость утратила военное значение и в 1838 г. была упразднена, дав начало будущему поселку Железинка. Этот поселок существует до сих пор и является центром Железинского района Павлодарской области Республики Казахстан. Поселок расположен на левом берегу Иртыша в 198 км к северо-западу от Павлодара и примерно в 217 км к югу от Омска. На современных картах действительно просматривается небольшая река или ручей, впадающий в Иртыш недалеко от поселка Железинка, находящегося чуть выше по течению на противоположном иртышском берегу. Однако эта речка на картах никак не названа. Поскольку поблизости нет других похожих водных объектов, то, скорее всего, именно это и есть та самая река Железенка, в районе которой летом 1661 г. нашел свое последнее пристанище улус царевича Девлет-Гирея.

Что касается времени описываемых событий, то его можно установить приблизительно с погрешностью в один-два дня. Активнейшие участники разгрома Девлет-Гирея тарские служилые татары Мамей Неурусов с товарищами вернулись в Тарский город 4 августа. Надо полагать, в этот же день они были обо всем расспрошены в воеводской избе. Точно известно, что после победы над царевичем они были отпущены в Тару, а не пошли с остальным караваном к оз. Ямыш (Б. Марков с грузом соли вернулся в Тобольск только 4 октября). По сведениям служилых юртовских татар, р. Железенка находилась примерно «на полудороге» между Тарой и оз. Ямыш. Согласно составленной не позже 1640 г. «Росписи сибирским городам и острогам», определявшей расстояния между различными сибирскими населенными пунктами и географическими объектами, путь «назад от Ямыша солянова озера до Тары вниз воды Иртышем рекою ходу 2 недели» [18. С. 15]. Соответственно, путь вниз по Иртышу от Железенки до Тары мог занять у татар примерно неделю. Это при условии, что в обратный путь они отправились в тот же день, когда был разгром, и нигде особо не задерживались. Отсюда получается, что разгром отрядом тобольского казачьего головы Б. Маркова улуса Девлет-Гирея произошел примерно 28–29 июля 1661 г.

Таким образом, русским спустя два года удалось в полной мере поквитаться с Кучумовичами за разорение пяти ясачных волостей Тарского уезда в ноябре 1659 г. Чем была обусловлена эта важная победа над трудноуловимыми сибирскими царевичами? Главным фактором явилась, конечно же, внезапность появле-

ния отряда Б. Маркова, когда Девлет-Гирею просто не оставалось времени на то, чтобы предпринять какие-либо адекватные действия. Выражаясь образно, в данном случае русским удалось использовать против кочевников их же излюбленное оружие. В свою очередь, эта внезапность стала возможной благодаря хитрости (если не вероломству) тарских юртовских татар во главе с Мамеем Неурусовым, сумевших усыпить бдительность осторожного Девлет-Гирея. Не стоит забывать, что этот царевич в течение долгих тридцати лет оставался недосыгаемым для русских. Он, безусловно, был умелым и хитрым степным политиком. За счет собственных чутя и ловкости Девлет-Гирей в зависимости от обстановки в отношениях с русскими властями мог быстро переходить от конфронтации и угроз к переговорам, что позволяло переждать неблагоприятный период, умел договариваться с калмыцкими тайшами, находил союзников.

Существенными факторами, обеспечившими успешность операции, стали готовность и желание бывших «изменников», улусных людей самого Девлет-Гирея, сотрудничать с русскими властями и их сторонниками. Во многом это объясняется сложностью и непредсказуемостью жизни в степи, тяготами и превратностями кочевого быта. Видимо, скитальческая жизнь в степях вместе с потомками «царя» Кучума в действительности была очень нелегкой и полной всевозможных опасностей. Иначе как объяснить желание многих «изменников» покинуть царевичей и вернуться в русское подданство. Например, меньше чем за месяц до похода Б. Маркова 4 июля в Тару «выбежали ис полону от царевичев» бывшие ясачные люди Тюменского и Уфимского уездов, всего 5 семей, 24 человека [7. Стб. 597. Л. 67]. Также не последнюю роль в успехе сыграл и тарский воевода М.Н. Шаховской, который, проявив инициативу, собственноручно разработал и спланировал всю операцию, нашел подходящих исполнителей и дал им соответствующие инструкции.

В то же время победа над силами Кучумовичей летом 1661 г. мало чем изменила политическую ситуацию в степях. С одной стороны, царевичи понесли серьезные потери, лишившись многих улусных людей. В плен попал царевич Кансуер, а глава клана Девлет-Гирей, хоть и избежал пленения, но потерпел серьезнейшее поражение. Однако в степях остались Бугай, Кучук, Чучелей, позже заявил о себе сын Девлет-Гирея Асан. Царевич Бугай вскоре, видимо, «сошел со сцены», так как последние упоминания о нем относятся к 1661 г. Не исключено, что дали о себе знать раны, полученные им в столкновениях со старшим братом, башкирами и русскими служилыми людьми. Новым главой рода Кучумовичей стал царевич Кучук, который, в том числе мстя русским за братьев, всерьез «поднялся на государеву отчину», как говорилось в одном из документов того времени. Кучук впоследствии выступил одним из вожаков поднявшихся против русских властей башкир в начавшемся в 1662 г. мощном восстании [10. С. 70 и др.]. Как уже отмечалось, несмотря на отдельные, даже крупные успехи, победить Кучумовичей до конца никогда не удавалось, поскольку клан их был разветвленным, а кочевали царе-

вичи чаще всего раздельно. Образно говоря, в 1661 г. в борьбе с Кучумовичами русские «выиграли сражение, но не смогли выиграть войну», что и подтвердили последующие события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
2. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопиграфическое исследование. Рязань : Рязань ; Мир, 2011. 512 с.
3. Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб. : Евразия, 2016. 396 с.
4. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 : сб. док. М. : Вост. лит., 1974. 472 с.
5. Будинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. М. : Вече, 2012. 320 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Вост. лит., 2005. Т. 3. 598 с.
7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. (Сибирский приказ.)
8. Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. 1. Дооктябрьский период. М. : Наука, 1967. 480 с.
9. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста : Герел, 2009. Т. 1. 848 с.
10. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 24. С. 45–110.
11. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа : Башкир. книж. изд-во, 1956. Т. 1, ч. 1. 304 с.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.
13. Боярская книга 1658 года. М. : ИРИ РАН, 2004. 335 с.
14. Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Озеро Ямыш как зона политического и культурного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 32–35.
15. Первое столетие сибирских городов. XVII век. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VII). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 192 с.
16. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М. : Наука, 1987. 176 с.
17. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VI). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 312 с.
18. Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. 250 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2016 г.

MILITARY CLASHES BETWEEN THE SIBERIAN SERVITORS AND KUCHUM KHAN'S DESCENDANTS IN 1661 AND THEIR CONSEQUENCES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 50–58.

DOI: 10.17223/15617793/415/7

Dmitriy A. Vaskov, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dvaskov@mail.ru

Keywords: Kuchum Khan's princes; service-class people; nomads; Bashkir; Siberian Tatars.

The article is devoted to the little-known events about relations between the Russian state and Kuchum Khan's descendants in 1661. The main sources for the research are the documents from the Sibirskiy Prikaz Fund of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Documents published in *Istoriya Sibiri* [History of Siberia] by G.F. Miller, in the collection *Russko-mongol'skiye otnosheniya* [Russian-Mongolian relations] and in several other publications are also used. In 1661, Kuchum Khan's descendants temporarily lost the support from their patrons, the Oirat princes, because they had begun to fight among themselves. Also the Siberian Princes quarreled among themselves because of the ulus people, which led to clashes between Devlet-Giray and his younger brothers. These circumstances gave the Russians a chance to inflict a series of attacks on the forces of Kuchum Khan's descendants. In the summer of 1661, Russian service people from Ufa and the Bashkirs attacked the camp of the younger princes, defeated them, and took Prince Kansuer as a prisoner. However, the other princes managed to escape from the Russians. The main attention in the article is paid to the defeat of Prince Devlet-Giray by the Tobolsk detachment of B. Markov. The ulus of Devlet-Giray was situated at the confluence of the small Zhelezenka River with the Irtysh River. This place is near the modern village of Zhelezinka, Pavlodar region of the Republic of Kazakhstan. The defeat is likely to have occurred on 28–29 July, 1661. The Russians had a numerical advantage over the forces of Devlet-Giray. The study established that the Russian victory in the first place was due to the suddenness of the attack. Devlet-Giray did not have time to organize resistance and was forced to flee. His fate is unknown, it is likely that he died shortly afterwards. The factors, which made the appearance of the Russian squad before the Siberian Prince sudden, were as follows. First, the Tatars from Tara entered the ulus of Devlet-Giray, they concealed the fact of the Russian squad approaching and were able to lull the Prince and his men. Second, among the ulus people of the Prince were those who wanted to leave him and return to the Russian citizenship. They also expressed readiness to fight with Prince Devlet-Giray and began to cooperate with the spies of Tara. Third, Tara governor M.N. Shakhovskoy took initiative, planned and ran the whole operation, found the perpetrators and gave them clear instructions. As a result, the detachment of B. Markov released more than 300 yasak people and captured 1000 to 2600 horses and other livestock, and many other spoils of war. However, these successes of the Russians did not lead them to the final victory over Kuchum Khan's descendants. Prince Kuchuk became the new head of the clan after Devlet-Giray. He subsequently took an active part in the Bashkir rebellion of 1662–1664 and thus caused a lot of problems for the Russian authorities in Siberia. Thus, Kuchum Khan's descendants continued their struggle for the restoration of the Siberian Khanate.

REFERENCES

1. Trepavlov, V.V. (2012) *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v borbe za revansh* [Siberian tent after Yermak: Kuchum and his descendants in the struggle for a rematch]. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Belyakov, A.V. (2011) *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [Genghis Khan's descendants in Russia. 15th–17th centuries. Prosopographic study]. Ryazan: Ryazan'; Mir.
3. Rahimzyanov, B.R. (2016) *Moskva i tatarskiy mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epohu peremen, XV–XVI vv.* [Moscow and the Tatar world: Cooperation and conflict in the era of change, 15th–16th centuries]. St. Petersburg: Evraziya.
4. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (eds) (1974) *Russko-mongolskie otnosheniya. 1636–1654. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian Relations in 1636–1654. A collection of documents]. Moscow: Vostochnaya literatura.

5. Butskinskiy, P.N. (2012) *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [The settling of Siberia and the life of its first inhabitants]. Moscow: Veche.
6. Miller, G.F. (2005) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 214 (Sibirskiy prikaz). (In Russian).
8. Anon. (1967) *Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabrskiy period* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period]. Moscow: Nauka.
9. Maksimov, K.N. & Ochirova, N.G. (eds) (2009) *Istoriya Kalmykii s drevneishih vremen do nashih dney* [The History of Kalmykia from ancient times to the present day]. Vol. 1. Elista: Gerel.
10. Ustyugov, N.V. (1947) Bashkirskoe vosstanie 1662–1664 gg. [Bashkir Revolt of 1662–1664]. In: Grekov, B.D. (ed.) *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Vol 24. Moscow: USSR AS.
11. Anon. (1956) *Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR* [Essays on the history of the Bashkir ASSR]. Vol. 1. Part 1. Ufa: Bashkir. knizh. izd-vo.
12. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Rogozhin, N.M. (ed.) (2004) *Boyarskaya kniga 1658 goda* [The Boyar Book of 1658]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
14. Kamenetskiy, I.P. & Rezun, D.Ya. (2010) Lake Yamish as a zone of political and cultural interaction of the peoples in the 17th century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia*. 2. pp. 32–35. (In Russian).
15. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1996) *Pervoe stoletie sibirskikh gorodov. XVII vek* [The First Hundred Years of Siberian Cities. 17th century]. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf.
16. Nikitin, N.I. (1987) *Sibirskaya epopeya XVII veka (nachalo osvoeniya Sibiri russkimi lyud'mi)* [The Siberian epic of the 17th century (The beginning of the development of Siberia by Russian people)]. Moscow: Nauka.
17. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1996) *Sibir XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in travel notes by G.F. Miller]. Translated from German Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf.
18. Titov, A. (1890) *Sibir v XVII veke. Sbornik starinnykh russkikh statey o Sibiri i prilozhashchikh k ney zemlyakh* [Siberia in the 17th century. A collection of ancient Russian articles about Siberia and the adjoining lands]. Moscow: [s. n.].

Received: 03 September 2016